

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 4**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 4 / Нет автора – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 404 с.

ISBN 978-5-458-04654-1

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04654-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ редакціи.

Настоящею книгою журнала заканчивается первый годъ его существованія. Не намъ судить, насколько журналу удалось въ этотъ краткій срокъ выполнить нѣкоторую часть задачъ, поставленныхъ себѣ въ началѣ его устроителями. Конечно задачи эти и не такого свойства, чтобы можно было исчерпать ихъ въ столь короткое время: значеніе періодическаго органа вполнѣ выясняется и правильно оцѣнивается лишь по истеченіи десятковъ лѣтъ, а кто можетъ сказать теперь, насколько долго суждено будетъ жить новому философскому изданію?

Внѣшній успѣхъ его среди общества, выразившійся между прочимъ цифрою подписчиковъ, нельзя не признать значительнымъ, особенно если принять во вниманіе научный характеръ журнала, а также и новизну предпринятаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. Этотъ внѣшній успѣхъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что мы не ошиблись, заявляя неоднократно, еще до появленія журнала, о пробудившихся въ нашемъ обществѣ серіозныхъ умственныхъ интересахъ, о возникшей въ немъ потребности философскаго анализа основъ знанія и жизни. Но невольно спрашиваешь себя: совпадали-ли тѣ вопросы, которые обсуждались на стра-

ницахъ журнала, съ тѣми, которые занимають и волнуютъ русскаго читателя, — соответствовали-ли способы постановки и обсужденія ихъ дѣйствительному уровню развитія и умственному строю массы читателей, — была-ли, наконецъ, достигнута въ построеніи содержанія журнала та полнота, художественная цѣльность и отчетливость, какія желательны въ подобномъ изданіи?

Безъ сомнѣнія полнота развитія всякихъ потенциальныхъ силъ природы, и особенно духовныхъ, достигается лишь медленнымъ, настойчивымъ дѣйствіемъ. Не легко сплотить и правильно организовать дѣятелей, еще никогда не собиравшихся и не сплавивавшихся. Приступая къ изданію журнала, мы знали, что у насъ въ Россіи есть силы для веденія философскаго органа: есть и ученые спеціалисты, добросовѣстно подготовленные и ищущіе поприща для непрерывной литературной дѣятельности въ области изслѣдованія философскихъ вопросовъ, — есть и талантливые мыслители, неспеціалисты, приведенные личнымъ опытомъ къ оригинальнымъ и значительнымъ въ философскомъ отношеніи взглядамъ на жизнь, и мы были убѣждены, что всѣ эти люди могутъ сойтись въ дружной общей работѣ въ видахъ просвѣтленія общественнаго сознанія. Вскорѣ мы могли убѣдиться въ томъ, что дѣйствительность даже превосходитъ въ этомъ отношеніи наши ожиданія, что лицъ специально занимающихся философіей, приученныхъ мыслить логически и готовыхъ применить къ нашему дѣлу — гораздо болѣе, чѣмъ мы думали, — и труды нѣкоторыхъ изъ этихъ неожиданныхъ сотрудниковъ уже были помѣщены нами въ вышедшихъ книгахъ журнала. Многія другія интересныя работы, доставленныя въ редакцію различными лицами, не могли войти въ него вслѣдствіе незначительныхъ пока размѣровъ журнала, или слишкомъ значительнаго размѣра самихъ этихъ изслѣдованій. Въ вышедшихъ четырехъ книгахъ журнала приняло участіе до сихъ поръ около 40 лицъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ уже специализировались на работахъ извѣстнаго характера и взяли на себя постоянное веденіе извѣстныхъ отдѣловъ журнала. Но сразу вполне организовать всю эту коллективную ра-

боту, столкнуться до конца въ видахъ надлежащаго ея распре-
дѣленія, дать содержанію журнала органическую цѣлостность
и внутреннее единство—задача весьма трудная, и мы сознаемъ
сами, насколько еще далеки отъ ея идеальнаго осуществленія.

Всего труднѣе, конечно, въ области обсужденія философ-
скихъ вопросовъ доработаться до той ясности и удобопонят-
ности изложенія, которыя такъ желательны въ интересахъ
массы читателей. Въ этомъ направленіи мы старались сдѣ-
лать пока чтд могли, дальнѣйшее-же усовершенствованіе бу-
детъ составлять задачу ближайшаго будущаго. Въ содер-
жаніи журнала представляется желательнымъ единство инте-
ресовъ и цѣлей сотрудниковъ,—желательно съ этой точки
зрѣнія устраненіе матеріала случайнаго, не связаннаго съ
остальными элементами и вытекающаго изъ чисто-личныхъ
и субъективныхъ интересовъ отдѣльнаго сотрудника. Но и
такое единство содержанія не можетъ быть достигнуто
сразу, искусственно. Гармонія задачъ и интересовъ должна
образоваться естественнымъ путемъ, посредствомъ болѣе тѣс-
наго сближенія между собою сотрудниковъ, путемъ постепен-
наго ихъ проникновенія во взаимные интересы и стремленія.
Для этого единственнымъ средствомъ является самъ журналъ,
какъ *почва* для общенія и объединенія. Но вслѣдствіе этого
на первыхъ порахъ неизбежно нѣкоторое вплетеніе субъек-
тивныхъ и случайныхъ интересовъ въ объективные и логиче-
ски-необходимые.

Извѣстная дисгармонія неустранима также въ началѣ и между
интересами отдѣльных читателей и писателей. Первые часто
далеки отъ тѣхъ двигателей и побужденій, которые историче-
ски обусловливаютъ извѣстную постановку писателемъ той
или другой философской проблемы и часто не понимаютъ,
какой конечный смыслъ и какую цѣль можетъ имѣть извѣст-
ное спеціальное изслѣдованіе вопроса имъ чуждаго, при поста-
новкѣ сразу для нихъ неожиданной и малопонятной. Вторые,
ушедши въ сферу отвлеченія и сжившись съ особыми и свое-
образными требованіями и интересами науки и ея истори-
ческихъ условій развитія, не понимаютъ иногда—наоборотъ—

запросовъ читателя, его самыхъ интимныхъ и глубокихъ потребностей, — его иногда наивныхъ, съ точки зрѣнія науки, но тѣмъ не менѣе неумолимыхъ и, съ точки зрѣнія жизни, вполне законныхъ желаній. Путемъ письменнаго общенія такія недоразумѣнія могли-бы быть отчасти устранены, — и всякіе отклики читателя на то, что пишется въ журналѣ, будутъ приниматься редакціей и сотрудниками сочувственно и съ благодарностью.

Мы не знаемъ, каковы будутъ условія существованія журнала во второй годъ изданія. Наше дѣло, вызванное желаніемъ послужить, по мѣрѣ силъ, задачѣ развитія самосознанія въ русскомъ обществѣ, какъ мы уже и прежде говорили, вполне зависитъ отъ устойчиваго сочувствія этого послѣдняго.

Редакція съ своей стороны можетъ только обѣщать, что она употребитъ всѣ усилія, чтобы достигнуть дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія начатаго дѣла, — чтобы пойти далѣе въ выполненіи отдѣльныхъ частей программы, исправить замѣченные недостатки и устранить невольные пробѣлы въ содержаніи журнала. И мы увѣрены въ успѣхѣ, если всѣ сотрудники журнала будутъ такъ-же проникнуты стремленіемъ дружно послужить общему дѣлу, — какъ это было въ истекшій годъ.

Во вѣдшихъ условіяхъ изданія произойдетъ только та перемѣна, что для удобства читателей, вмѣсто *четыре*хъ книгъ въ годъ, по 20 листовъ печатныхъ каждая, будетъ выходить съ нынѣшняго года *пять* книгъ по 15—16 листовъ — черезъ каждые два мѣсяца, кромѣ лѣтнихъ каникулъ.

Въ заключеніе пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы выразить нашу глубокую признательность иностраннымъ собратіямъ, философскимъ журналамъ: французскому (*Revue philosophique*), англійскому (*Mind*), нѣмецкимъ (*Archiv f. Gesch. d. Philosophie* и друг.), и американскимъ (напр. *Open Court*), которые сразу сочувственно приняли насъ въ свою семью и помѣстили рядъ отчетовъ о вышедшихъ книгахъ „Вопросовъ философіи и психологіи“.

Н. Гротъ.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ.

Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи.

Вглядываясь въ исторію философскаго мышленія древнихъ грековъ, мы убѣждаемся въ томъ, что въ основѣ этого мышленія лежатъ универсальныя вѣчныя истины, что философія эллиновъ съ самаго начала не была лишь безплодною умственной гимнастикой, но познавала истину въ исторически-необходимыхъ формахъ. Метафизика древнихъ грековъ, въ своемъ развитіи, пришла къ извѣстнымъ положительнымъ результатамъ, разъ навсегда раскрыла въ сознаніи человѣчества рядъ элементарныхъ метафизическихъ истинъ, которыя и были усвоены послѣдующимъ европейскимъ мышленіемъ, оплодотворивъ собою и современную европейскую философію. Какъ средне-вѣковая, такъ и современная философія предполагаетъ эти положительные результаты, добытые вѣковыми усиліями древней мысли. Задача настоящаго очерка заключается въ томъ, чтобы показать, что то-же самое вѣрно и относительно политическаго міросозерцанія древнихъ философовъ, тѣсно связаннаго съ ихъ метафизикой, что въ основѣ ихъ политическаго мышленія лежатъ всемірно-историческіе принципы; которые, будучи унаслѣдованы по преемству европейскими народами христіанской цивилизаціи, имѣли опредѣляющее значеніе и въ ихъ политическомъ міросозерцаніи. Мы постараемся здѣсь доказать, что политическіе идеалы

двухъ величайшихъ мыслителей древности, Платона и Аристотеля, имѣли пророческое значеніе по отношенію къ средневѣковому и современному европейскому мірозозерцанію.

I.

Мы не станемъ здѣсь подробно останавливаться на слишкомъ общеизвѣстномъ метафизическомъ ученіи Платона. Для нашей цѣли достаточно припомнить тѣ основныя черты этого ученія, которыя имѣютъ опредѣляющее значеніе по отношенію къ ученію объ обществѣ и государствѣ.

Вспомнимъ, что для Платона чувственно воспринимаемый земной міръ есть міръ ложный и призрачный, что для него истинно-сущее, вѣчное, пребывающее есть только сверхчувственная *идея*, первообразъ всего существующаго. Въ потокѣ разнообразныхъ явленій, которыя безпрерывно протекаютъ и утекаютъ, возникаютъ и уничтожаются, пребываютъ вѣчно однѣ идеи, какъ общія родовыя представленія всего существующаго.

Міръ идей Платона не есть только сущность, но и конечная цѣль, вѣчный идеаль всего существующаго; этотъ міръ идей есть ничто иное, какъ вѣчная основа міровой жизни. Чтобы пріобщиться къ вѣчной блаженной жизни идей, нужно вырваться изъ оковъ чувственного бытія, нужно освободиться отъ этого земного міра — ложнаго, обманчиваго, не долженствующаго существовать, — нужно, иными словами, *умереть для всего земного*.

Земная жизнь человѣка не имѣетъ въ самой себѣ цѣны и смысла: цѣль человѣка не на землѣ, а *за гробомъ*. Къ этой сверхчувственной, вѣчной, загробной цѣли должно стремиться все существующее; къ ней должна быть направлена и вся земная дѣятельность человѣка; человѣкъ долженъ прежде всего *спасти свою безсмертную душу* и для этого — отрѣшиться отъ всякихъ мірскихъ заботъ, пожертвовать всѣми своими земными влеченіями, погрузившись всецѣло въ созерцаніе небеснаго міра вѣчныхъ идей. Этому противится дурная двойственность человѣческой природы; чело-

вѣкъ есть амфибія: онъ стоитъ между двумя мірами, живетъ въ томъ и въ другомъ частью своего существа. *Безсмертнымъ разумомъ* онъ созерцаетъ идею, но кромѣ этой высшей способности въ человѣческой душѣ есть двѣ другія, низшія — *пожеланіе, похоть* (ἐπιθυμία), влекущая его къ тѣлу, къ животной жизни чувственныхъ аффектовъ, и третья *способность*, посредствующая между двумя первыми, *сердце* (θυμός), которое служить орудіемъ разума въ борьбѣ со страстью, сдерживая чувственные аффекты, или-же, напротивъ, соединяется съ плотскою страстью въ борьбѣ противъ вѣднѣй разума.

Человѣкъ не можетъ сразу покончить съ дурной двойственностью, лежащей въ основѣ его существа. Чтобы спастись, онъ долженъ прежде всего бороться съ нисшими способностями своей души, влекущими его къ тѣлесной земной жизни. Нужно путемъ долготѣняго упражненія такъ или иначе *обуздать* эти влеченія, если ужъ нельзя уничтожить ихъ совершенно; нужно *подчинить ихъ разуму* и обратить, такимъ образомъ, самый разладъ душевныхъ влеченій и способностей въ гармонію. При такомъ гармоническомъ состояніи вся жизнь человѣка подчинена сверхчувственной загробной его цѣли; онъ всѣмъ существомъ своимъ, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ и воспроизводитъ божественную, небесную жизнь идеи. Это гармоническое состояніе души, при которомъ обѣ нисшія способности дѣлаютъ свое дѣло, отправляютъ свои специфическія функціи, подчиняясь высшей,—это состояніе, при которомъ все естество человѣка служитъ единой цѣли—*спасенію души для вѣчной жизни*, и есть то, что Платонъ называетъ *справедливостью*.

Однѣми индивидуальными, личными силами своими человѣкъ спастись не можетъ. Божественная идея есть представленіе по существу родовое, универсальное. Она воплощается не въ личной жизни одинокаго человѣка, а въ коллективной жизни человѣческаго общества, въ общежитіи, какъ органической совокупности человѣческихъ лицъ. Чтобы осуществить идею, чтобы подчинить ей земную дѣя-

тельность человека, для этого недостаточно одинокихъ усилий человѣческой личности, — для этого нужно взаимодействие людей, объединенныхъ въ одинъ коллективный, социальный и политическій организмъ. Въ основѣ общежитія у Платона лежитъ та-же сверхчувственная цѣль, которая опредѣляетъ собою и индивидуальную жизнь личности. Государство ведетъ своихъ гражданъ къ загробной, вѣчной жизни; оно обуздываетъ ихъ тѣлесныя влеченія, подавляетъ въ нихъ всякіе земные интересы, стремится къ искорененію ихъ эгоизма, заботится о внутреннемъ ихъ объединеніи во взаимномъ дружествѣ, воспитываетъ въ нихъ единомысліе и единодушіе.

Въ Платоновомъ государствѣ человѣкъ всецѣло приноситъ себя въ жертву безличной родовой идеѣ. Это государство стремится не къ земному счастью и довольству своихъ гражданъ взятыхъ въ отдѣльности, или даже въ совокупности; его цѣль есть торжество сверхчувственной божественной идеи. Идея, какъ представленіе общее, родовое, по существу безлична; чтобы приобщиться къ ней, чтобы соединиться съ своимъ божествомъ, человѣкъ долженъ отказаться отъ всего индивидуальнаго, личнаго. И дѣйствительно, въ Платоновомъ государствѣ гражданинъ не имѣетъ *ничего своего*. Во-первыхъ, онъ не имѣетъ *собственности*, такъ какъ съ частной собственностью соединенъ цѣлый міръ эгоистическихъ земныхъ интересовъ и заботъ. Чтобы спасти своихъ членовъ, идеальное государство прежде всего должно вырвать ихъ изъ этой области низменныхъ интересовъ, — оно должно *отнять у нихъ собственность*. Само государство должно стать единственнымъ собственникомъ, собственность изъ индивидуальной должна стать коллективною. Коммунистическій идеаль Платона простирается во-вторыхъ и на *семейныя отношенія*. Издѣсь гражданинъ Платонова государства не имѣетъ *ничего своего*. „Между друзьями все должно быть общее“ (*κοινὰ τὰ τῶν φίλων*), — всѣ граждане идеальнаго государства составляютъ одну семью, а потому не должно быть ничего, что бы обособляло ихъ другъ отъ друга, — никто изъ нихъ не долженъ имѣть своей